
РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.511

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-153-160

**Рецензия на диссертацию А. Ю. Урманчиевой
«Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири
(на материале самодийских языков)», представленную
на соискание ученой степени доктора филологических наук**

Н. А. Тучкова

«Музей Природы и Человека», Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Рецензируемая диссертация А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, была успешно защищена 21 июня 2023 г. в Диссертационном совете по филологии и лингвистике при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (<https://www.hse.ru/sci/diss/825477618>). По результатам защиты было принято решение присудить А. Ю. Урманчиевой ученую степень доктора филологических наук с отличием. Диссертация посвящена реконструкции истории языков самодийской группы в период, начинающийся после распада прасамодийского языка и кончающийся расселением носителей самодийских языков, известным по историческим документам (XVI–XVIII вв.).

Ключевые слова

уральские языки Сибири, обско-угорские языки, самодийские языки, языковые контакты, история формирования лингвистических ареалов на территории Сибири, лексикостатистика, лингвистическая реконструкция, нарративные стратегии

Для цитирования

Тучкова Н. А. Рецензия на диссертацию А. Ю. Урманчиевой «Реконструкция лингвистического ландшафта Западной Сибири (на материале самодийских языков)», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 153–160. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-153-160

© Н. А. Тучкова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Review of the dissertation
“Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia
(a case study of the Samoyedic languages),”
submitted by A. Y. Urmanchieva for the degree of Doctor of Philology

N. A. Tuchkova

“Museum of Nature and Man”, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract

The dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (a case study of Samoyedic languages)” written by A. Y. Urmanchieva focuses on tracing the Samoyedic group language history. The period under study starts after the collapse of the Proto-Samoyedic language and ends with the resettlement of the native speakers of Samoyedic languages as recorded in historical documents (16th–18th centuries). The work substantiates the preservation of the links between the Proto-Samoyedic and the Proto-Ob-Ugric languages after their collapse, with separate contacts between the Mansi and South Samoyedic languages. The author confirms the original boundary between the Mansi and Khanty languages, from west to east, and shows that Proto-Mansi was widespread in more southern territories, while Proto-Khanty was prevalent to the north (and not to the east) of the lower Ob basin. Additionally, the author confirms that Matorsky belongs to the Northern Samoyed subgroup. The analysis of separate parallels allowed the author to establish the early contacts between Nganasan, Selkup, and Kamassian and later between Nganasan and common Enets languages. Given these findings, the following successive linguistic landscapes of Western Siberia have been reconstructed. Initially, the migration of the forebears of Samoyedic language speakers moved towards the Ob basin from their original homeland, with a settlement pattern along the Ob tributaries determined by taiga fishing culture. Later, the expansion of the Khants towards the east along the middle Ob River disrupted the previously established pattern, leading to a break in the linguistic continuity of the Samoyed area.

Keywords

Uralic languages of Siberia, Ob-Ugric languages, Samoyed languages, language contacts, history of the formation of linguistic areas in Siberia, lexicostatistics, linguistic reconstruction, narrative strategies

For citation

Tuchkova N. A. Retsenziya na dissertatsiyu A. Yu. Urmanchievoy “Rekonstruktsiya lingvisticheskogo landshafta Zapadnoy Sibiri (na materiale samodiyskikh yazykov),” predstavlenuyu na soiskanie uchenoy stepeni doktora filologicheskikh nauk [Review of the dissertation “Reconstruction of the linguistic landscape of Western Siberia (a case study of the Samoyedic languages),” submitted by A. Y. Urmanchieva for the degree of Doctor of Philology]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 153–160. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-153-160

Диссертационное исследование А. Ю. Урманчиевой посвящено сложнейшей проблеме – реконструкции этапов этнической истории (точнее, истории языковых сообществ – самодийских, обско-угорских, енисейских; их расселению, контактам, перемещениям), протекавшей на территории Западной Сибири в хронологических пределах последних двух тысячелетий.

Данное диссертационное исследование, построенное с опорой, прежде всего, на лингвистические материалы, по сути своей является этноисторическим / этногенетическим исследованием, так как выводы, полученные автором, позволяют делать исторические обобщения и реконструировать этапы формирования и развития различных лингвистических сообществ, которые для автора (по умолчанию) являются и этническими. Именно поэтому выводы Анны Юрьевны интересны и важны не только для лингвистов, но также для представителей иных научных дисциплин – археологов, этнографов и этнологов (антропологов), для специалистов по физической антропологии и этногенетике (популяционной генетике).

Хотелось бы подчеркнуть огромную трудность стоявшей перед автором задачи – создать непротиворечивую как с точки зрения лингвистических данных, так и, по-возможности, с точки зрения данных других наук, динамичную картину во времени и пространстве. Картина выстраивалась автором, начиная от некоего «изначального» размещения языковых групп, через цепь последующих их перемещений, к состоянию, зафиксированному исследователями XIX–XX вв. Создать такое движущееся сквозь поток истории полотно крайне сложно, поскольку взгляды

лингвистов, с одной стороны, и археологов, этнологов, этногенетиков по проблеме этнической истории редко совпадают, причем это относится не только к этнической истории народов Западной Сибири.

Таким образом, актуальность поднимаемых в диссертации вопросов с научной точки зрения не вызывает сомнения, и эта актуальность базируется, прежде всего, на высокой востребованности таких работ обобщающего характера с выходом на вопросы этногенеза, анализом межэтнических контактов и этноистории, особенно если эти выводы обеспечены верифицированной источниковой базой и надежными, признанными в научном мире, методами.

Лаконично, но при этом ёмко сформулирована цель исследования – «реконструкция в динамике лингвистической карты Западной Сибири» (с. 16); задачи, необходимые для достижения цели, напротив, сформулированы развернуто и объёмно (9 задач), они выстроены в хорошо продуманном порядке и позволяют автору вести своё исследовательское повествование по строго выбранному курсу (с. 16–18).

Автор провела огромную работу по анализу и обобщению многочисленных лингвистических данных. Источниковая база работы обширна и представлена, прежде всего, работами по лексической реконструкции самодийских языков [Janhunen, 1977; Хелимский, 1986, 2000], а также работами, содержащими языковые материалы как по самодийским языкам [Helimski, 1997; Alatalo 2004; Donner, Joki, 1944; Казакевич, Будянская, 2010; Быконя и др., 2005; Костеркина, Момде, Жданова, 2001; Сорокина, Болина, 2009], так и по другим языкам, важным для темы исследования, в частности, по обско-угорским [Терёшкин, 1961] (см. с. 18).

Историографический обзор по важным аспектам темы исследования (самодийской прародины и методов ее поиска, классификации самодийских языков, выявлении контактных зон) предвдваряет само исследование. Он изложен в самом начале введения и предшествует фактически всем другим квалификационным позициям этого раздела, тем самым буквально «с первых строк» максимально погружает читателя в проблематику работы. Кроме того, историографические вставки есть внутри глав и разделов. Следует отметить, что автор предприняла попытку, с одной стороны, очень скрупулёзного анализа результатов трудов предшественников более чем за 200 лет исследований самодийской проблематики, с другой стороны, подвергла ревизии некоторые положения и предположения предшественников, чтобы, отталкиваясь от их результатов и выводов, сформулировать и выстроить свои выводы.

Важно отметить и методологическую составляющую проведенного Анной Юрьевной исследования, которая опирается на теоретические положения работ известных лингвистов, прежде всего, Е. А. Хелимского, П. Хайду, В. В. Напольских.

Основные методы, используемые автором в работе для проведения собственного исследования, можно обозначить как методы сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, а также методы ареальной и контактной лингвистики. В частности, весьма активно и результативно в плане получения выводов и создания собственной классификации самодийских языков был использован метод лексикостатистического анализа (дополненный методом анализа эксклюзивных лексических параллелей) с целью измерения относительного расстояния между языками самодийской группы. Кроме того, Анной Юрьевной была разработана собственная комплексная методика, позволяющая реконструировать историю языковой семьи / языковой группы в период после существования праязыка.

Следует подчеркнуть, что полученные автором выводы обладают высокой степенью теоретической значимости, прежде всего, это выводы о сепаратных контактах мансийского и южно-самодийских языков, об историческом взаимном расположении обско-угорских языков на лингвистической карте, о дивергентных и конвергентных процессах внутри самодийской языковой общности.

Первая глава диссертации «Обско-угорско-самодийские контакты» посвящена анализу самодийско-обско-угорских параллелей. В итоге автору на основе лингвистического материала удалось подкрепить уже высказываемый ранее Е. А. Хелимским [1982] вывод о том, что после обособления прасамодийского языка не прерывались его связи с праобскоугорским. Характер связей между языками определяется автором как «ареально-генетический».

Кроме того, были собраны и представлены данные, позволяющие уточнить некоторые особые отношения между отдельными языками в этих языковых сообществах. Так, был сделан вывод, крайне важный для реконструкции этногенетических процессов в Среднем Приобье, что после распада обско-угорского и самодийского праязыка сохранялись сепаратные контакты мансийского и южносамодийских языков (в меньшей степени – камасинского, в большей – селькупского) (с. 51). Этот вывод Анны Юрьевны звучит, с одной стороны, как некоторое открытие, с другой стороны, открытие в какой-то мере ожидаемое, так как этнографов / этнологов (прежде всего, селькуповедов) давно будоражит тот факт, что есть некоторые явные параллели в культуре и некоторые пересечения по фамильному составу между этими народами. Ср., например, фамилии *Сайнаковы / Сайнаховы, Гоголевы*, широко известные как среди манси на р. Северной Сосьве, так и у селькупов. Например, Гоголевы есть среди чумьлькупов (для юрт Тюхтеревых на р. Оби близ Нарыма они были основные коренные жители в XIX в. – первой половине XX в.); Сайнаковы отмечены среди «крайне» южных селькупов; были и юрты Сайнаковы в низовьях реки Шегарки. Конечно, также бросается в глаза совпадение корня *шёш-* в фамилии манси *Шёшкиных* и этнонима *шёшкupy / шёшкумы*, до настоящего времени известного на Оби, носители которого оцениваются специалистами как особая этнолингвистическая подгруппа в составе селькупских локальных групп.

Однако Анна Юрьевна представила как пример сепаратных связей не просто локальный этнонимический материал; в качестве одной из важных лексических параллелей ею был задействован основной селькупский этноним: «...общеселькупское *śōśā kum / śūśśā kum* ‘1. человек (в противопоставлении нечистой силе); 2. селькуп’» и сделан важнейший вывод: этот этноним этимологизируется автором диссертации из мансийского *sossä χum* (северный диалект), *šāšj khum* (пелымский диалект), *sāsē khom* (кондинский диалект) ‘коренной житель, местный человек, уроженец этой земли’ (с. 261). К такому выводу и «изъятию» у селькупов их основного этнонима (со всеми диалектными вариациями) в пользу мансийского языка (и, значит, мансийского этноса!) селькуповеды (лингвисты и этнологи), думаю, не готовы. Этот вывод диссертантки явно вызовет широкое обсуждение и дискуссию, что, возможно, позволит либо принять факт такого заимствования, либо опровергнуть его.

По итогам первой главы Анна Юрьевна формулирует предположение, что изначально «верхнеобской лингвистический ареал» составляли ... «мансийский, селькупский и камасинский; на восточной его периферии селькупы контактировали с кетами. Хантыйский язык был распространен севернее мансийского и занимал, возможно, северную периферию данного ареала. При этом ближе всего к мансийскому располагался предок современного восточного хантыйского» (с. 65). Такое взаимное расположение языков (и, соответственно, их носителей – этнических групп) в целом не вызывает возражения, выглядит обоснованным и согласуется с построениями историков (несмотря на новшество – предложенное автором сближение мансийского ареала расселения с селькупским).

Во второй главе диссертации «Ареальные и генетические связи внутри самодийской языковой группы» А. Ю. Урманчиева решает важную исследовательскую задачу – анализирует контакты внутри самодийской языковой общности, справедливо полагая, что реконструкция этих языковых контактов даст возможность «строить гипотезы о взаимном географическом расположении самодийских языков в различные исторические периоды и о путях миграции самодийских народов» (с. 65).

Данная задача напрямую связана с проблемой классификации языков самодийской группы. Именно решению этой проблемы – выстраиванию внутренней классификации самодийских языков – посвящена большая часть 2-й главы. Для создания авторского варианта такой классификации Анной Юрьевной в полной мере был задействован метод лексикостатистического анализа, дополненный далее исследованием «проблемных узлов» методом эксклюзивных параллелей, определяющих общие генетические либо ареальные инновации. Автор продемонстрировала в данном разделе глубокую осведомленность как в теоретических аспектах, связанных с разработкой и функционированием данных методов, так и в вопросе их практического применения.

В результате была сформирована и представлена авторская схема генетической классификации самодийских языков, причем схема выстраивалась в динамическом состоянии – на три позиции, т. е. на три разных хронологических периода, отражающих разные состояния самодийских языков (с. 226–228). Таким образом, что чрезвычайно важно, данная схема позволяет увидеть постепенное и непрерывное развитие этнической истории за длительный период времени в пределах исследуемой территории.

Обобщающие итоги по предлагаемой автором данного диссертационного исследования реконструкции размещения языковых групп в течение нескольких столетий представлены в отдельном разделе 2.5. «Реконструкция в динамике лингвистической карты Западной Сибири», являющемся важнейшим разделом всей работы, так как именно в нём сконцентрированы основные выводы, оформленные, прежде всего, в виде трёх карт-схем, на которых размещены ареалы расселений, контакты и перемещения (т. е. указаны направления миграций) самодийских и обско-угорских языков (по умолчанию языковые группы у автора совпадают с этническими).

Третья глава диссертационного исследования посвящена сравнительному анализу нарративных стратегий, характерных для некоторых исследуемых языков. Было выявлено, что в определенном ареале сформировалась типологически редкая система дискурсивных стратегий, использующихся в фольклорных и персональных нарративах трёх разных языков, что отражает контакты между северным селькупским и нганасанским, с одной стороны, и северным и тымским селькупским и ваховским хантыйским, с другой. Более того, рассмотрение нганасанского материала показало, что «нарративные стратегии тазовского селькупского практически полностью изоморфны нганасанским нарративным стратегиям» (с. 259). Это, на взгляд автора, подтверждает тот факт, что относительно недавно нганасанский и северный селькупский еще соседствовали на лингвистической карте Западной Сибири.

В Заключении диссертационного исследования очень чётко и конструктивно подводятся основные итоги, формулируются еще раз важные выводы, полученные в ходе исследовательского процесса. Часть из них вызывает чувство принятия и солидарности с ними, но некоторые выводы и положения диссертационной работы А. Ю. Урманчиевой заставляют вступить в диалог с автором и высказать определенные сомнения или замечания.

1. Вызывает несогласие вывод, полученный А. Ю. Урманчиевой, о названии «селькупского рода с реки Парабель» *maş qul* как мансийского заимствования: это название является «хорошим формальным соответствием манс. **māñčt* > N *mañsi* [māñši], LM *māñś ~ moñś*, LU P *mañś*, K *māñś ~ mañś*, T *māñši ~ mā'nči* ‘манси’, что может указывать на мансийское происхождение данного селькупского рода» (с. 51, 261). Сам термин взят из публикации Г. Н. Прокофьева [Прокофьев 1935: 12], но он, увы, не верифицируется (нет ясности относительно источника получения этого термина Г. Н. Прокофьевым): нет такого родового названия среди реконструируемых Е. Д. Прокофьевой названий селькупских родовых групп, нет такого названия и среди тех родов, которые упомянул Г. Ф. Миллер в XVIII в.; не упоминается он и в записях иных лингвистов, этнографов, историков, краеведов XIX – XX вв.

2. Еще один важный вывод А. Ю. Урманчиевой – заимствование в селькупский язык из мансийского основного номенклатурного термина ‘человек’, который в селькупском и мансийском языках представлен как «эксклюзивная параллель селькупского *ḱum* ‘человек’ и мансийского *χит* с тем же значением (не представленного ни в других самодийских языках, ни в хантыйском)» (с. 40–41). Вывод выглядит, скорее, как предложение к дискуссии. Причем сама общность этих слов сомнения не вызывает, однако направление заимствования (из мансийского в селькупский) не выглядит убедительным.

3. Вызывает вопросы и несогласие также сам подход к этнонимам как к словам, которые легко заимствуются. Следует подчеркнуть, что такой подход свойственен не только конкретно А. Ю. Урманчиевой, но и многим другим лингвистам. Напротив, любой этнолог / социальный антрополог знает, что этнонимы – это не просто слова, что-то называющие, но это слова, которые объединяют одних людей друг с другом (со «своими»), а это значит: вызывают чувство сплочения, заставляют солидаризироваться с группой под определенным названием, и, напро-

тив, помогают отграничивать себя и свою группу от других, т. е. «чужих». За этнонимами стоит феномен этнической идентичности – важнейший, если не главный, авторегулятор этнических процессов. Принятие иного этнонима (т. е. «заимствование» этносом чужого этнонима) всегда означает финальную стадию какого-то глубокого внутриэтнического трансформационного процесса, ведущего к окончательной смене этнической идентичности. Не получится, например, принять мансийский этноним и оставаться носителем селькупской идентичности.

4. Обычно, если этническая группа принимает чужой этноним, то за этим стоят определенные политические или экономические события (военно-политический захват, экономическое подчинение / господство, проникновение представителей иного этноса в состав руководящей элиты и т. д.). И только потом уже следуют такие события, как принятие «чужого» этнонима. Причем навязать чужой этноним нельзя: даже в порабощённом состоянии люди не теряют / не отказываются от своей родной этнонимии, а это значит – от своей идентичности; более того, за свою идентичность люди готовы погибать. Обычно принятие чужого этнонима в качестве своего говорит о том, что чужие стали референтной группой для основной части этноса (группой, носящей престижные ценности), и дальше начинается ориентация и выстраивание других аспектов культуры под культурные ценности носителей этого престижно-ценностного ядра (начиная от манеры речи до одежды и религиозных идей). Ничего подобного между селькупским этносом и мансийским отмечено исследователями не было. Более того, сама память о возможном политическом, культурном или языковом единстве отсутствует.

5. Вызывает несогласие сам факт, что у селькупов в результате проведенного исследования были «отняты» все основные этнонимы (и даже сам номенклатурный термин – «человек») и обозначены как заимствования. Остаётся удивляться в таком случае, как этот этнос (далеко не монолитный изначально, фактически этническая группировка, состоящая из нескольких подгрупп) сохранилась в истории и просуществовала до настоящего времени, имея высокую диалектную и локальную раздробленность, широкую территорию расселения и постоянный дрейф по району Среднего Приобья в определенных разнонаправленных направлениях (центральная диалектная группа – с запада на восток, южная диалектная группа – с востока на запад (с Кети на Обь), северная диалектная группа – с юго-запада на северо-восток).

6. Скорее можно предположить вкрапление отдельных семейных групп манси в состав разных селькупских локальных групп. И такое внедрение могло быть не только в далёком прошлом, но и продолжалось до недавнего времени (о Сайнаковых, Гоголевых и Шёшкиных у манси и селькупов см. выше).

7. Хочется отметить также, что сама манера образовывать / конструировать этнонимы у манси отличается от селькупской. Группы манси формируют эндоэтнонимы (самоназвания) следующим образом: *сакв-ма-хум* ‘ляпинской земли люди’ или *полум-ма-хум* ‘пелымской земли люди’; это отличается от селькупской конструкции. Ср. сельк. *чумыль-куп*, *шёш-кум*, *сюссе-кум* (т. е. без добавочных формантов «такой-то земли» человек).

8. Очень важный момент: на созданных автором данной диссертации к разделу 2.5 картах нет датирующей информации, отражающей расселение разных языковых групп, проживавших в Приобье в период последних двух тысячелетий. Раз уж материал позволил Анне Юрьевне создать такие карты, остаётся сделать следующий шаг – их надо было бы как-то продатировать. Если бы появились конкретные датировки, ценность карт выросла бы многократно, так как они стали бы важнейшим путеводным ориентиром для этноисторических и особенно археологических исследований. На них можно было бы опираться при сверке материала других научных дисциплин, имеющих выход к этногенетической проблематике.

9. Для получения некоторых важных выводов автором диссертации был широко задействован енисейский (кетский) материал, однако на представляемых к защите картах отсутствует размещение енисейских групп, и, тем самым, енисейцы оказываются опять выпавшими / «потерянными» во времени и пространстве, несмотря на свою важную роль в этнической истории, протекавшей на территории Приобья и Енисея.

10. Слабо обоснованным выглядит аргумент о том, что проход самодийцев на север случился по Оби, а не через бассейн Енисея потому, что самодийцам преграждали путь территории, занятые группами енисейцев.

11. Введение обозначения «верхнеобской лингвистической ареал» для территории, находящейся где-то в нижней части Среднего Приобья, вносит путаницу в восприятие материала. Корректней было бы пользоваться географическими привязками, например, район Среднего Приобья между устьями обских притоков – Ваха, Тыма и Васюгана и т. п.

Однако, несмотря на все дискуссионные моменты, в целом, диссертация А. Ю. Урманчевой заслуживает положительной оценки как исследование, основанное на обширном лингвистическом материале; использованная автором собственная методика реконструкции истории языковой семьи в период после существования праязыка доказала свою результативность.

Указанные в отзыве сомнения и замечания не умаляют заслуг А. Ю. Урманчевой, проделавшей огромную работу в процессе подготовки диссертации. Она представила к защите самостоятельный оригинальный труд, основанный, прежде всего, на огромном корпусе лингвистических данных; провела сложную аналитическую работу. Текст диссертации свидетельствует о хорошей профессиональной подготовке соискателя, умении ставить и решать сложные исследовательские задачи. Основные обобщения и выводы, сделанные соискателем, обоснованы, достоверны и органично вытекают из собранных и интерпретированных автором данных. В диссертации содержится решение крупной исследовательской проблемы, имеющей важное значение для понимания этнолингвистических процессов в Западной Сибири.

Список литературы

Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2005. 347 с.

Казакевич О. А., Будянская Е. М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Баско, 2010. 368 с.

Костеркина Н. Т., Момде А. Ч., Жданова Т. Ю. Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский. СПб.: Фил. изд-ва «Просвещение», 2001. 413 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская (остяко-самоедская грамматика). Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 131 с.

Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкий словарь. СПб: Наука, 2009. 487 с.

Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 204 с.

Хелимский Е. А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). М.: Наука, 1982. 164 с.

Хелимский Е. А. Архивные материалы XVIII века по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986. С. 79–213.

Хелимский Е. А. Прасамодийские **ɛ̃* и **ä̃*: прауральские источники и нганасанские рефлексy // Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 196–201.

Alatalo J. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004. 465 p.

Joki A. J., Donner K. Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1944. 216 p.

Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977. 185 p.

References

- Alatalo J. *Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jar-mo Alatalo* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX). Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 2004, 465 p.
- Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk, TSPU, 2005, 347 p. (In Russ.)
- Janhunen J. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977, 185 p.
- Joki A. J., Donner K. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von Aulis J. Joki (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII). Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1944, 216 p.
- Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie)* [Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect)]. Ekaterinburg, Basko, 2010, 368 p. (In Russ.)
- Khelimskiy E. A. *Arkhivnye materialy 18 veka po eniseyskim yazykam* [Archival materials of the 18th century on the Yenisei languages]. In *Paleoaziatskie yazyki* [Paleo-Asiatic languages]. Leningrad, Nauka, 1986, pp. 79–213. (In Russ.)
- Khelimskiy E. A. *Drevneyshie vengersko-samodiyskie yazykovye paralleli (Lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya)* [The oldest Hungarian-Samoan linguistic parallels (Linguistic and ethnogenetic interpretation)]. Moscow, Nauka, 1982, 164 p. (In Russ.)
- Khelimskiy E. A. *Prasamodiyskie *ǵ i *ǵ̃: praural'skie istochniki i nganasanskii refleksi* [Prasamodian *ǵ and *ǵ̃: Proto-Uralic sources and Nganasan reflexes]. In: E. A. Khelimskiy. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparativistics, uralistics. Lectures and articles]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, pp. 196–201. (In Russ.)
- Kosterkina N. T., Momde A. Ch., Zhdanova T. Yu. *Slovar' nganasansko-russkiy i russko-nganasanskiy* [Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary]. St. Petersburg, Branch of the "Prosveshchenie" Publ. H., 2001, 413 p. (In Russ.)
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskaya (ostyako-samoedskaya grammatika)* [Selkup (Ostyako-Samoyedic grammar)]. Leningrad, Izd. Instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935, 131 p. (In Russ.)
- Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetskiy slovar'* [Enets dictionary]. St. Petersburg, Nauka, 2009, 487 p. (In Russ.)
- Tereshkin N. I. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka. Ch. 1: Vakhovskiy dialect* [Essays on the dialects of the Khanty language. Part 1: The Vakhovsky dialect]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, 204 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
 25.09.2023

Сведения об авторе

Тучкова Наталья Анатольевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела истории и этнографии БУ «Музей Природы и Человека» (Ханты-Мансийск, Россия)
 E-mail: natatutchkova@yandex.ru
 ORCID 0000-0002-4448-0355

Information about the Author

Natalia A. Tuchkova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Department of History and Ethnography, Museum of Nature and Man (Khanty-Mansiysk, Russia)
 E-mail: natatutchkova@yandex.ru
 ORCID 0000-0002-4448-0355